

Роль А.С.
Пушкина
в демократизации
русского языка

Ученые выдвигают различные теории о периодизации истории русского литературного языка. Принцип изменений структуры языка, общественных функций и др. приводят в итоге почти к одинаковым схемам. Несомненно, это свидетельствует о связи истории литературного языка с историей народа.

В истории русского литературного языка можно выделить три главных периода, каждый из которых может в свою очередь делиться на более краткие этапы и отрезки.

I. Образование и развитие древнерусского литературного языка.

- а) Русский литературный язык в эпоху Киевского государства и последующий период феодальной раздробленности (XI —начало XIV в.).
- б) Русский литературный язык в эпоху Московского государства (XIV—XVII вв.).

II. Формирование общенациональных норм русского литературного языка.

- а) Литературный язык начальной эпохи формирования русской нации (XVII— середина XVIII в.).
- б) Литературный язык эпохи образования русской нации и общенациональных норм литературного языка (середина XVIII — середина XIX в.).

III. Функционирование и развитие литературного языка русской нации.

- а) Русский литературный язык второй половины XIX—начала XX в.
- б) Русский литературный язык советской эпохи.

Описание структуры русского литературного языка как системы систем, взаимодействия литературного языка и «нелитературных» разновидностей языка, общественных функций литературного языка на каждом этапе и составит историю русского литературного языка.

Взгляды Пушкина на литературный язык и пути его дальнейшего развития.

Русский язык Пушкин оценивал как неисчерпаемо богатый, открывающий перед писателем неограниченные возможности его художественного использования. В статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825 г.) он писал:

«Как материал словесности язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи... Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность.

Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии

они сблизились, и такое стихия, данная нам

Главной теоретической проблемой, разрабатываемой Пушкиным с неослабным вниманием и большой глубиной, является проблема народности литературного языка. Уже в ранних своих заметках и набросках Пушкин указывает на народный язык как основной источник литературного языка:

«Есть у нас свой язык; смелее!
— обычаи, история, песни,
сказки — и проч.» (1822 г.).

Позднее он снова и снова подчеркивает это основное, исходное положение своих взглядов на развитие литературного языка.

Тредиаковский В.К.

Сумароков А.П.

Карамзин Н.М.

Замечательно, что в отличие от таких деятелей прошлого, как Тредиаковский и Сумароков, и таких своих современников, как Карамзин, выдвигавших положение о сближении литературного языка с разговорным (причем имелся в виду разговорный язык образованного дворянства, узкого, ограниченного круга людей), Пушкин выдвигает и утверждает положение о сближении литературного языка с народным языком в самом широком смысле этого слова: «Положение о народной основе литературного языка».

Обосновывая теоретически и разрабатывая практически это положение, Пушкин в то же время понимал, что литературный язык не может представлять собой только простую обработку народного, что литературный язык не может и не должен избегать всего того, что было накоплено им в процессе его многовекового развития, ибо это обогащает литературный язык, расширяет его стилистические возможности, усиливает художественную выразительность.

Шишков А.С.

Отстаивая народность литературного языка, Пушкин, естественно, боролся как против карамзинского «нового слога», так и против «славянщины» Шишкова и его сторонников.

Так же, как и положение о народной основе литературного языка, критические замечания в адрес карамзинского и шишковского направлений появляются уже в самых ранних высказываниях Пушкина и затем развиваются и углубляются. Критикуя писателей дворянского направления за отрыв от национально-русских, народных источников и подражание стилю французской литературы, он писал:

«Из всех литератур она имела самое большое влияние на нашу... Сумароков — ... — Дмитриев, Карамзин, Богданович. Вредные последствия — манерность, робость, бледность... Некоторые пишут в русском роде, из них один Крылов, коего слог русский».

Позднее, в 1833—1834 гг., в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкин теоретически обобщает и четко формулирует свое понимание взаимоотношения русского и старославянского языков:

«Давно ли стали мы писать языком общепонятным? Убедились ли мы, что славенский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать *да лобжет мя лобзанием* вместо *целуй меня*».

Концепция Пушкина прямо противоположна концепции Шишкова, который вообще не видел разницы между «славенским» и русским языком, смешивал их и параллельные выражения типа «да лобжет мя лобзанием» и «целуй меня» рассматривал лишь как стилистические варианты. Пушкин разграничивает «славенский» и русский языки, отрицает «славенский» язык как основу русского литературного языка и в то же время открывает возможность для использования «славянизмов» в определенных стилистических целях.

Так принцип народности смыкается и перекрещивается с другим важнейшим принципом Пушкина в области литературного языка — принципом историзма.

литературного языка были близки взглядам декабристов.

**Санкт-Петербург. Сенатская площадь
14 декабря 1825 года.
Рисунок Кольмана из кабинета графа
Бенкендорфа в Фалле.**

«По всем основным вопросам развития языка Пушкин был солидарен с декабристами. Конечно, в самом процессе развития языка декабристы по сравнению с Пушкиным — основоположником современного русского литературного языка — сыграли небольшую роль. Но если говорить о принципах борьбы за пути развития языка, то здесь, несомненно, Пушкин был вместе с декабристами,, а затем пошел значительно дальше».

Принципы народности и историзма, определявшие общие требования к литературному языку и направление его развития, должны были найти свое конкретное воплощение в литературно-языковой практике. Это конкретное воплощение общих общественно-исторических принципов подхода к литературному языку могло происходить только на основе соответствующих им эстетических принципов.

Народность и историзм, находящие свое конкретное воплощение в языке на основе чувства соразмерности и сообразности, благородной простоты и искренности и точности выражения,— таковы главнейшие принципы Пушкина, определяющие его взгляды на пути развития русского литературного языка и задачи писателя в литературно-языковом творчестве. Эти принципы полностью соответствовали как объективным закономерностям развития русского литературного языка, так и основным положениям развиваемого Пушкиным нового литературного направления — реализма.

Народность языка Пушкина

Народность творчества Пушкина имела глубокие корни. Она была не внешней, не поверхностной, а глубокой, истинной, основанной на любви к своему народу, на вере в его духовные силы, на понимании огромной идеологической и эстетической ценности его словесно-художественного творчества, на умении видеть мир глазами своего народа. Сущность национальной самобытности и народности Пушкина прекрасно определил Гоголь, который писал, что Пушкин «при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии, глазами своего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это

ЧУВСТВУЮТ И ГОВОРЯТ ОНИ САМИ».

Гоголь Н.В.

Отбирая наиболее емкие в смысловом отношении и наиболее стилистически выразительные средства разговорного языка, Пушкин объединяет их в единое, целое с нейтральными и «книжными» языковыми средствами, в результате чего и рождается та искренность и точность выражения, та подлинная непринужденность повествования, которая отличает не только прозаический, но и поэтический язык Пушкина. Приведем несколько примеров из «Евгения Онегина»:

...Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав нежданно за полу,
Душу трагедией в углу,
Или (*но это кроме шуток*),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток.
Над ней он *голову ломал*
И чудеса подозревал.
Все стали *толковать украдкой*,
Шутить, судить не без греха,
Татьяне *прочить жениха*.
Но я... *какое дело мне?*
Я верен буду старине.
Но день протек, и нет ответа.
Другой настал: все *нет как нет*.
А впрочем, *он за вас горой*:
Он вас так любит... как родной!

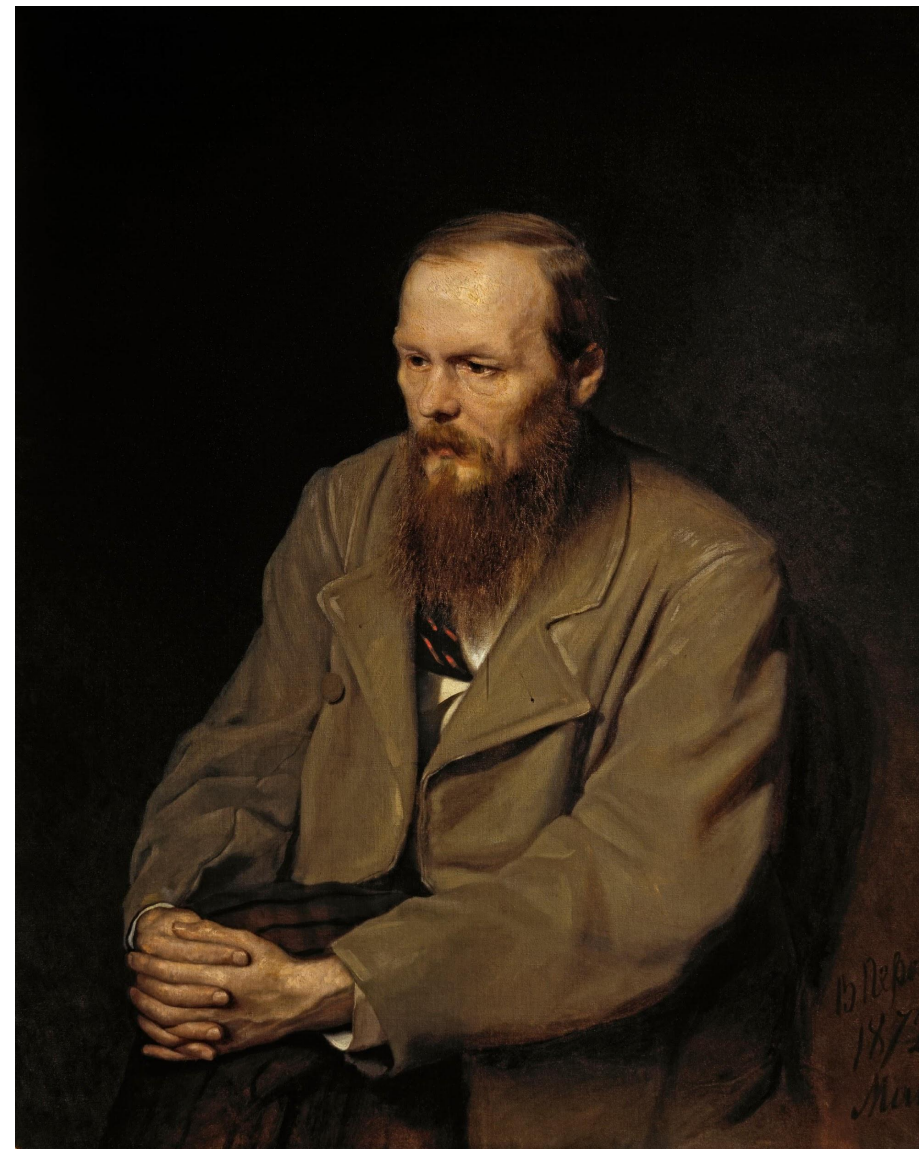
Заслуживает самого пристального внимания тот факт, что "народно-разговорные элементы вовлекаются Пушкиным в язык не только художественной, но и критико-публицистической прозы. Например, в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» читаем:

«Державин исподтишка писал сатиры на Сумарокова и приезжал как ни в чем не бывало наслаждаться его бешенством. Ломоносов был иного покроя. С ним шутить было накладно. Он везде был тот же: дома, где все его трепетали; во дворце, где он дирал за уши пажей; в Академии, где, по свидетельству Шлецера, не смели при нем пикнуть».

Народно-разговорные, просторечные и «простонародные» элементы относительно нечасто выступают у Пушкина с той или иной стилистической «нагрузкой», с экспрессивной подчеркнутостью. Это обычно бывает при стилизациях и в языке персонажей. Например, в репликах работницы гробовщика Адриана Прохорова:

« — Что ты, батюшка? не с ума ли спятил, али хмель вчерашний, еще у тя не прошел? Какие были вчера похороны? Ты целый день пирувал у немца — воротился пьян, завалился в постелю, да и спал до сего часа, как уж к обедне отблаговестили».

Вообще же «Пушкинский язык избегает всего того, что непонятно и неизвестно в общем литературно-бытовом обиходе. Он чужд экзотике областных выражений, далек от арготизмов (кроме игрецких карточных в „Пиковой даме“, военных, например, в „Домике в Коломне“, условно-разбойничьих в „Капитанской дочке“, которые все требуются самим контекстом изображаемой действительности). Пушкинский язык почти не пользуется профессиональными и сословными диалектами города (например, отсутствие примет купеческого языка в „Женихе“). Он, в общем, сторонится разговорно-чиновничьего диалекта, который играет такую значительную роль в произведениях Гоголя и Ф. М. Достоевского. Словом, пушкинскому языку чужды резкие приемы социально-групповой и профессиональной диалектизации литературной речи, столь характерные, например, для языка гоголевской „натуральной школы"».

Достоевский Ф.М.

Шевырев С.П.

умение Пушкина объединить народно-разговорные и литературно-книжные языковые средства в одно гармоничное целое было замечено и оценено уже наиболее проницательными его современниками. Так, С.П. Шевырев писал в журнале «Москвитянин» (1841 г.):

«Пушкин не пренебрегал ни единым словом русским, и умел, часто взявши самое простонародное слово из уст черни, оправлять его так в стихе своем, что оно теряло свою грубость. В этом отношении он сходствует с Дантом, Шекспиром, с нашим Ломоносовым и Державиным. Прочтите стихи в «Медном всаднике»:

...Нева всю ночь
Рвалася к морю против бури,
Не одолев из буйной дури,
И спорить стало ей невмочь.

Здесь слова *буйная дурь* и *невмочь* вынуты из уст черни. Пушкин вслед за старшими мастерами указал нам на простонародный язык как на богатую сокровищницу, требующую исследований».

«Славянизмы» в ЯЗЫКЕ Пушкина.

Проблема «разговорного языка простого народа», как одного из главнейших источников литературного языка, была неразрывно связана с проблемой книжно-славянской стихии, с проблемой «славянизмов» в русском литературном языке. И эта вторая проблема, как и первая, получила свое разрешение в творчестве Пушкина.

В соответствии с тем направлением, в котором решалась проблема просторечия, главным в литературно-языковой практике Пушкина явился процесс литературной ассимиляции «славянизмов», который «характеризует основную тенденцию пушкинского языка к взаимодействию и смешению церковнославянизмов и русских литературных и разговорно-бытовых выражений. Церковнославянизмы сталкиваются с русскими словами, обрастают «светскими» переносными значениями, заменяются русскими синонимами, сливаются с ними, передавая им свои значения».

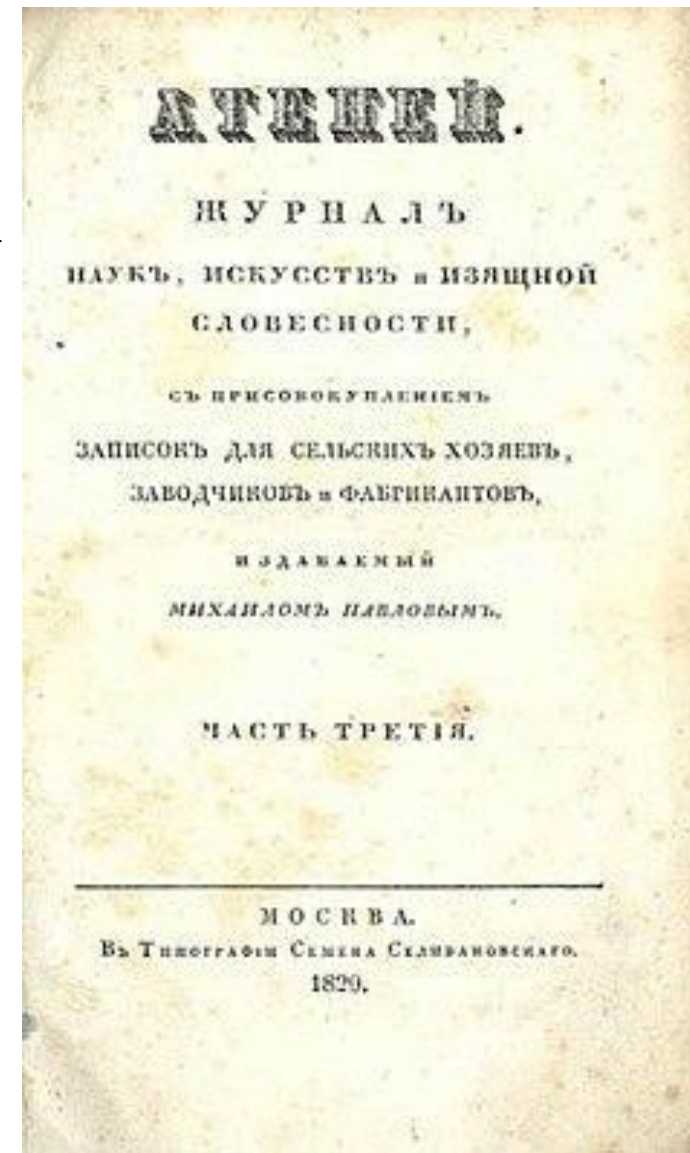
Деятельность Пушкина в этом направлении в итоге увенчалась полным успехом и явилась определяющей для дальнейшего развития русского литературного языка. Но современников в этой работе Пушкина многое изумляло и даже раздражало. У нас сейчас не вызывают никаких замечаний и недоумений в отношении языка такие, например, строки из «Евгения Онегина»:

Зима! Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь.

ИЛИ

В избушке распевая, дева
Прядет...

А между тем критик из журнала «Атеней» иронизировал по поводу соседства слов *торжествуя* и *дровни, дева* и *в избушке*. Последнее казалось ему особенно странным, потому что в другом месте «Евгения Онегина» Пушкин дворянских барышень называет *девчонками* («Какая радость: будет бал! Девчонки прыгают заране»).

В «Евгении Онегине» много и других случаев употребления «славянизмов» в новых, необычных для них контекстах, в новых, переносных значениях:

...Поэта,

Быть может, на ступенях света

Ждала высокая ступень.

Его страдальческая тень,

Быть может, унесла с собою

Святую тайну, и для нас

Погиб *животворящий глас*,

И за могильного чертою

К ней не домчится гимн времен,

Благословение племен.

Там скука, там обман и бред;

В том совести, в том смысла нет;

На всех различные *вериги*

Условий света *свергнув бремя*,

Как он, устав от суеты,

С ним подружился я в то время.

Татьяна долго в *келье* модной

Как очарована стоит.

Уж утром рано вновь явилась

Она в оставленную *сень*.

Особо должно быть выделено употребление Пушкиным «славянизмов» в соответствии с принципом историзма, в соответствии с требованием отражения в языке произведения особенностей языка изображаемой эпохи. Такого рода употребление «славянизмов» широко представлено в «Борисе Годунове», а также в «Полтаве».

Но в *искушеньях* долгой кары
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так *тяжкий млат*,
Дробя стекло, кует булат.
Мазепа, в горести притворной,
К царю *возносит глас* покорный.
Тогда-то *свыше вдохновенный*
Раздался звучный *глас* Петра
И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал *очами*.

Но «славянизмы» в языке Пушкина не только подвергались ассимиляции и «нейтрализации» или использовались как средство исторической характеристики языка. Они выступали и с разнообразными стилистическими «заданиями», с той или иной специально подчеркнутой экспрессией. Такого рода употребление «славянизмов» в языке Пушкина очень разнообразно, и перечислить все его случаи здесь невозможно. Укажем лишь главнейшие из них.

1. «Славянизмы» могли использоваться для выражения революционного пафоса, гражданской патетики. Здесь Пушкин продолжал традиции Радищева и писателей-декабристов. Особенно характерно такое использование «славянизмов» для политической лирики Пушкина.

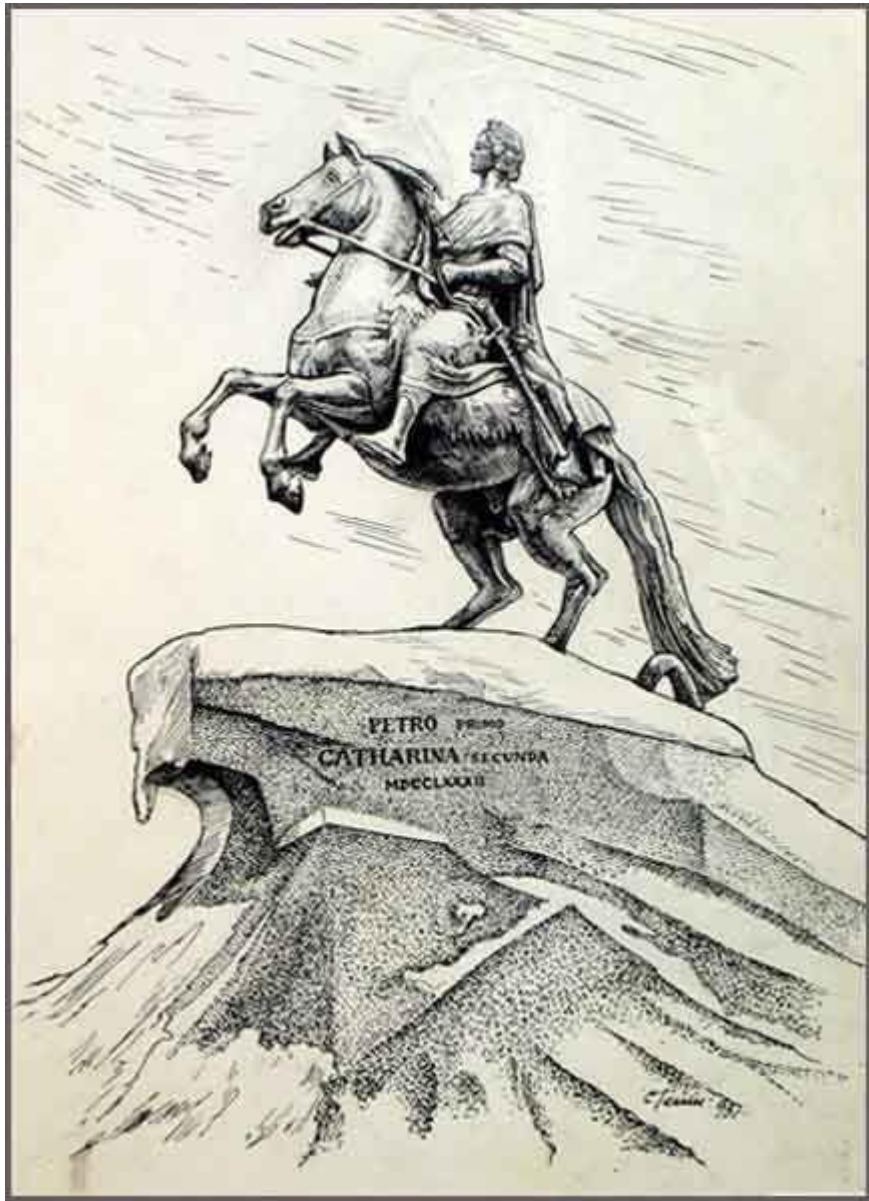
Например:

Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! *трепещите!*
А вы, *мужайтесь* и *внемлите*,
Восстаньте, *падшие рабы!*
(«Вольность»)

...Склонясь на *чуждый* плуг, *покорствуя* бичам,
Здесь рабство *тощее* *влачится* по *браздам*
Неумолимого владельца.
Здесь *тягостный* *ярем* до *гроба* все *влекут*.
(«Деревня»)

Радищев А.Н.

2. «Славянизмы» употреблялись Пушкиным и в их «традиционной» для русского литературного языка функции: для придания тексту оттенка торжественности, «возвышенности», особой эмоциональной приподнятости. Такое употребление «славянизмов» можно наблюдать, например, в таких стихотворениях, как «Пророк», «Анчар», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», в поэме «Медный всадник» и многих других поэтических произведениях. Однако традиционность такого употребления «славянизмов» у Пушкина относительна. В более или менее пространственных стихотворных текстах, а особенно в поэмах «возвышенные контексты свободно чередуются, и переплетаются с контекста «бытовыми», характеризующимися употреблением разговорных и просторечных языковых средств. Приведем небольшой прим из «Медного всадника»:

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И взоры дикие навел
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
К решетке хладной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной,

«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав, —
Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
Бежать пустился...
И с той поры, когда случилось
Идти той площадью ему,
В его лице изображалось
Смятенье. К сердцу своему
Он прижимал поспешно руку,
Как бы его смиряя муку,
Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой...

3. Нередко «славянизмы» используются Пушкиным как средство пародирования стиля литературных противников, а также для достижения комических и сатирических эффектов.

Чаще всего такое употребление «славянизмов» встречается в «статейной», критико-публицистической прозе Пушкина.

Например: **«Несколько московских литераторов... *наскуча звуками кимвала звящего, решились составить общество... Г-н Трандафырь открыл заседание прекрасной речью, в которой трогательно изобразил он беспомощное состояние нашей словесности, недоумение наших писателей, *подвизающихся во мраке, не озаренных светильником критики*» («Общество московских литераторов»); «*Приемля журнальный жезл, собираясь проповедовать истинную критику, весьма достохвально поступили бы вы, м. г., если б перед стадом своих подписчиков изложили предварительно свои мысли о должности критика и журналиста и принесли искреннее покаяние в слабостях, нераздельных с природою человека вообще и журналиста в особенности. По крайней мере вы можете подать благой пример обратий вашей...*» («Письмо к издателю»); «*Но и цензора не должно запугивать... и делать из него уже не стража государственного благоденствия, но грубого буточника, поставленного на перекрестке с тем, чтоб не пропускать народа за веревку*» («Путешествие из Москвы в Петербург») и т. п.***

Нередко ироническое и комическое употребление «славянизмов» и в художественной прозе Пушкина. Например, в «Станционном смотрителе»: **«Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына... Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу... блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости».**

Не чужд комического и сатирического употребления «славянизмов» и поэтический язык Пушкина, особенно язык шуточных и сатирических стихотворений и поэм («Гавриилиада») и эпиграмм. В качестве примера можно привести эпиграмму «На Фотия»:

**Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным,
Поменьше пастырей таких, —
Полу-благих, полу-святых.**

Значение Пушкина в истории русского литературного языка

Пушкина с достаточными основаниями принято считать реформатором русского литературного языка, основоположником современного русского литературного языка. Это, конечно, не означает, что Пушкин создал какой-то «новый» язык. Но неправильно было бы и преуменьшать личные заслуги Пушкина в развитии русского литературного языка. Справедливо пишет Б. Н. Головин, «что один человек, даже с таким дарованием, какое было у Пушкина, не может ни создать, ни пересоздать язык своего народа. Но он, все же может сделать очень много, а именно — выявить и показать скрытые в существующем языке возможности. Именно это и сделал Пушкин применительно к русскому языку 20—30-х годов XIX столетия. Поняв и почувствовав новые требования общества к языку, опираясь на народную речь своих предшественников и современников, великий поэт пересмотрел и изменил приемы и способы использования языка в литературных произведениях — и язык заблистал новыми, неожиданными, строгими и ясными красками. Речь Пушкина стала образцовой и благодаря литературному и общественному авторитету поэта была признана нормой, примером для подражания».

Головин Б.Н.

Итак, величайшей заслугой Пушкина является то, что в его творчестве были выработаны и закреплены осознанные и принятые современниками и последующими поколениями общенациональные нормы русского литературного языка. Нормативность языка Пушкина явилась результатом воплощения в жизнь сформулированных им общественно-исторических и эстетических принципов подхода к литературному языку, особенно принципов народности и «благородной простоты».

Борьба Пушкина за народность литературного языка была неразрывно связана с борьбой за его чистоту и ясность. Гоголь писал: **«Никто из наших поэтов не был еще так скуп на слова и выражения, как Пушкин, так не смотрел осторожно за самим собою, чтобы не сказать неумеренного и лишнего, пугаясь приторности того и другого»**.

Пушкин создал классические по своей чистоте и ясности образцы литературного языка. Эта намеренно подчеркнутая чистота языка, его «благородная простота» явилась следствием борьбы за единые нормы литературного языка и в свою очередь способствовала осознанию этих норм обществом.

Создание единых общенациональных норм литературного языка касалось не только его структуры, но и системы его стилей. Образование единых норм литературного выражения означало окончательную ликвидацию всяких пережитков системы трех стилей. И хотя новые единые нормы были выработаны Пушкиным прежде всего и главным образом в языке художественной литературы, «сумма идей» и качества языка пушкинской поэзии и прозы были таковы, что послужили источником дальнейшего развития не только языка художественной литературы, но и всего литературного языка в целом. Единство языка Пушкина было единством его разнообразных стилевых вариантов, поэтому в языке Пушкина заключался источник последующего развития всех стилей литературного языка, как индивидуальных, так и функциональных. Только после пушкинской реформы Белинский мог написать, что **«слога нельзя разделить на три рода — высокий, средний и низкий: слог делится на столько родов, сколько есть на свете великих или по крайней мере сильно даровитых писателей»** («Русская литература в 1843 году»).

Белинский В.Г.